

17. Thiessen M. North Korea is acting up because Trump has it cornered// Fox News. 18.05.2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.foxnews.com/opinion/2018/05/18/marc-thiessen-north-korea-is-acting-up-because-trump-has-it-cornered.html> (дата обращения: 20.09.2018).

18. Putin: Russian bear won't ask for permission // Russia Today. 24.10.2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rt.com/news/199000-putin-bear-ask-permission/> (дата обращения: 20.09.2018).

19. Sommer Th. Deutsch-russische Beziehungen: Ein unbequemer Nachbar, aber kein Feind // Zeit Online. 21.11.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zeit.de/politik/2017-11/deutsch-russische-beziehungen-5vor8/seite-2> (дата обращения: 20.09.2018).

20. Von Bullion C. Der Anzettler // Süddeutsche Zeitung. 17.03.2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sueddeutsche.de/politik/bundespraesident-der-anzettler-1.3417482> (дата обращения: 20.09.2018).

Семиотические основания когнитивной герменевтики

Воробьева С.В., Минск

к. филос. н., доцент кафедры философии культуры,
Белорусский государственный университет

Раскрыта знаковая сущность когнитивной герменевтики – символические отношения между денотатом знака и его концептом в референции и фактическая и условная связь означаемого и означающего в коннотации. Специфика когнитивных схем референции объяснена в контексте взаимосвязи логических и герменевтических структур. Отношение подобия, индексное отношение смежности и связности, символическое отношение обоснованы в качестве свойств референции и коннотации.

Ключевые слова: референция; коннотация; когнитивные схемы референции; знаки-иконы; знаки-индексы; знаки-символы; экземплификация; фактичность; условность; символичность.

S.V. Vorobjova, Minsk

Semiotic bases of cognitive hermeneutics

The author reveals the symbolic essence of cognitive hermeneutics – the symbolic relationship between the denotate of the sign and its concept in the reference and the actual and conditional connection of the signified and signifying in the connotation. The specificity of cognitive reference schemes is explained in the context of the relationship between logical and hermeneutic structures. The similarity relation, the index relation of adjacency and connectivity, the symbolic relation are proved as properties of reference and connotation.

Keywords: reference; connotation; cognitive schemes of reference; signs-icons; signs-indexes, signs-symbols; exemplification; factuality; convention; symbolism.

Актуальными в методологии гуманитарных и социальных наук остаются вопросы когнитивной герменевтики, обусловленные эвристикой понимания как антитезой и как дополнением объяснительных моделей. Понимание как антитеза объяснению предполагает разработку его собственной логики как единого дискретно-континуального процесса. Понимание как дополнение объяснения предполагает включение в герменевтику знаковых систем жизненного мира и способов его формализации (логика, этика, право, теология и др.). Оба ракурса лежат в плоскости семиотики. По этой причине сущностными основаниями когнитивной герменевтики являются ее семиотические основания, ключевыми в которых выступают вопросы логических и герменевтических структур понимания и их взаимосвязи, когнитивных схем референции и семиотических факторов коннотации.

Герменевтика, как ее задумывал Ф. Шлейермахер, представляет собой искусство правильного истолкования текста [16]. Эмфатическое понимание, проецирующее истолкователя на авторское пространство, он и В. Дильтей «возвысили до уровня методологического философского принципа в своей попытке создать общую герменевтику» [17, с. 12–13]. Согласно П. Рикёру, «явно или неявно всякая герменевтика выступает пониманием самого себя через понимание другого» [13, с. 25]. Когнитивная герменевтика как «скрытая методология процесса познания» направлена на раскрытие движения от образно-эмоционального к дискурсивному мышлению [17, с. 7]. В качестве ее адекватной методологии выступает семиотика Ч.С. Пирса и Ч.У. Морриса [7; 10; 12].

Множество подходов к построению предмета и разработке методов когнитивной герменевтики можно разделить на два компонента – номиналистическую и реалистическую аналитику [2]. Двойственность когнитивной герменевтики детерминирована условиями многообразия и неоднородности. В частности, историко-культурный мир вследствие множественных пересечений форм духовности не является единым и гомогенным и его невозможно охарактеризовать посредством реалистических вневременных и непространственных структур. Поэтому семиотические факторы, организованные по принципу логического включения, становятся первоочередными. Срединное положение семантики означает, что ее семиотическая сущность, с одной стороны, обусловлена синтактикой – знаками, отсылающими к объектам, с другой, – она сама обуславливает прагматику, связывающую знаки и объекты в уме интерпретатора в виде интерпретаций.

Семиотические факторы понимания объединены в две структуры – логическую и герменевтическую, или, соответственно, структуры референции и коннотации (сигнификации). Логическими структурами понимания выступают два типа связей и отношений – между именами и между высказываниями, в которых доминируют предметные или смысловые аспекты. Данные структуры были обоснованы в рамках программы логицизма при решении двух взаимосвязанных

проблем. Первая заключается в определении первоэлементов логического значения, вторая – в обосновании их двойственности. Первоэлементами значения, согласно теории Г. Фреге, выступают высказывания, согласно теории Б. Рассела, – имена [14, с. 286–288]. Двойственность имен и высказываний обусловлена наличием в их структурах денотата и смысла (концепта), предметного и смыслового значения, референции и коннотации [15].

Герменевтическая структура коннотации дополняет логическую структуру референции, устанавливая субъективное отношение между означающим и означаемым знака. Коннотации лежат в основе интерпретации – возникновения эйдетического образа в сознании интерпретатора как означаемого знака на основе его означающего. Отсутствие умозрительности означает, что содержательная сторона сигнала остается непонятной. Если референция отвечает на вопросы о денотате и концепте знака, то коннотация сигнализирует интерпретатору о чем-либо: Что обозначает знак для данного интерпретатора? В чем смысл знака для данного интерпретатора? Поэтому герменевтическая структура коннотации раскрывается посредством когнитивных схем референции: Как структурирован мир в тексте? Какие сущности вычлениваются? Однозначны или неопределенны имена? Каковы явные и неявные дескриптивные и ценностные предпосылки в тексте? Правильны ли аргументы? Определены ли границы их приемлемости? и др.

Референция, отражая объективное отношение знака к обозначаемому объекту – денотату знака, имеет четыре герменевтические особенности – когнитивные схемы коннотации [4, с. 119–120]. Первая особенность заключается в том, что один денотат определяется с помощью разных концептов. К таким когнитивным схемам относятся перифразы, эвфемизмы, дисфемизмы. Вторая особенность – разные денотаты определяются одним концептом. Многообразие случаев сводится к одному концепту, или обобщается до категории, стандарта или правила. Базовые когнитивные схемы – экземпляфикации и стандартизации – структурируют информационные потоки на значимые единицы. Третья особенность состоит в том, что не любому концепту можно сопоставить объект внеязыковой реальности, т. е. коннотация реализуется вне референции. Когнитивными схемами выступают идеализации или абсурд, в которых, несмотря на отсутствие денотатов среди эмпирических объектов внешнего мира, наличествует концептуальное содержание. Четвертая – разные денотаты и разные концепты денотатов связаны одинаковым звучанием и написанием выражающих их имен. В когнитивных омонимических и метафорических схемах необходимо различать прямое и косвенное употребление имен.

Необходимость логических интерпретаций имен, высказываний и аргументов является условием раскрытия их возможностей в качестве знаков в неопределенных ситуациях. Неопределенность сопряжена с неясностью, сомнительностью или спорностью и требует «освобождения от актуального сомнения» [5, с. 52]. В частности, нестабильность отношений имен с денотатом обусловлена множеством культурных интерпретаций, нечеткость экстенционала имен – «текучестью» их смысла и привязанностью к психическому опыту интерпретатора. Все это делает референцию многозначной, а интерпретации конфликтными, аб-

сурдными и пр. Э. Левинас, характеризуя языковую деятельность, определил абсурдность не как бессмыслицу, а как разобщенность бесчисленных значений, не имеющих общей направленности, когда «недостает смысла смыслов» [18, р. 32].

Проблема коннотации имеет два методологических аспекта – систематизацию отношений между означающим и означаемым знака в интерпретациях и выявление семиотических свойств коннотации как оснований понимания. Общепризнанной является систематизация Ч.С. Пирса, интегрированная в логический анализ языка Ч.У. Моррисом [7]. На основе признака степени связности чувственно воспринимаемой и умозрительной сторон знака Ч.С. Пирс разделил их на знаки-иконы, знаки-индексы и знаки-символы [9]. Таким способом Ч. С. Пирс обосновал семиотические свойства коннотации – фактичность и условность – в качестве оснований интерпретации и понимания.

Иконы с определенной степенью точности воспроизводят обозначаемый объект, так как в них означающее и означаемое знака имеют сходство. Поэтому именно означающему знака отведена ведущая роль по сравнению с его означаемой стороной. Например, в историческом познании особая роль отведена схемам, картам, чертежам, представляющим собой конструкты-образы исторических объектов или событий (допустим, схемы сражений или чертежи несохранившихся архитектурных сооружений). Силу и релевантность такого рода исторических аргументов обеспечивает их фактическое (физическое) подобие обозначаемому объекту.

Фактором коннотации в иконах выступает сущностное отношение этих знаков к прототипу (прообразу). На основе такого отношения формируется фактическая сторона коннотаций. Логическим основанием фактичности выступают два вида подобия – изоморфное и гомоморфное, устанавливающие, соответственно, взаимно однозначное и частичное соответствия. На их основе формируются действия-образцы или экземпляры-образцы, происходит их стандартизация или регулирование правилами. В частности, понимание аргументов предполагает осмысление их знаковой сущности как действий-образцов. Допустим, силлогистическая схема, являясь знаком-иконой, наглядно представляет структуру аргумента вследствие своего гомоморфного подобия. В историческом познании экземпляр-образец, например, образа жизни крепостного, представляет собой гомоморфное соответствие некоторой совокупности признаков, формирующей образ (репрезентанту).

Индексы связаны с обозначаемыми объектами физической смежностью или причинной зависимостью. Они не замещают объекты как иконы, а сосуществуют (ассоциированы) с ними в пространстве, времени или языке, поэтому составляют основы памяти – индивидуальной и исторической. Сущность памяти заключается в формировании трех типов ассоциативных значений – временных, пространственных и смысловых. Временные и пространственные значения формируются на основе запечатления в памяти реальных связей объектов, явлений или событий на основании их смежности в пространственно-временном континууме (метонимии). Семиотический масштаб задается, например, «ценностной иерархией жизненных связей» [8, с. 141]. Временные и пространственные значения сопра-

жены с тремя типами смысловых значений. Первые два – психологические – формируются на основе запечатления в памяти объектов и их образов с похожими (метафоры) и с противоположными (контрасты) признаками. Метафорические значения усиливают временную смежность, противоположные – увеличивают пространственные разрывы. Третий тип смысловых значений – антипсихологический – формируется посредством установления причинно-следственных и иных логических связей.

Индексная сущность памяти проявляется посредством механизмов ретенции и воспроизведения. Исторические ретенции заключаются в удержании и накоплении общественного опыта, личностные – в накоплении опыта индивидуального в контексте исторических ретенций. Воспроизведение – это актуализация индексных связей, суть которой заключается в воспоминании и воспроизведении образов прошлого, локализованных во временных, пространственных и смысловых взаимосвязях. В частности, этническая принадлежность может полагать пространственное и/или временное отношение между ее означающей и означаемой сторонами.

Герменевтика в историческом познании детерминирована его индексной сущностью. Индекс и обозначаемый им объект «образуют органически согласованную пару, но интерпретирующий ум не имеет с этим соединением ничего общего». Он лишь отмечает это соединение, «после того, как оно установлено». Поскольку индекс «физически связан со своим объектом», постольку он исключительно в себе содержит информацию о каком-либо факте [9, с. 93]. Интерпретация и понимание событий и процессов сводится к раскрытию временных, пространственных и смысловых взаимосвязей означающего и означаемого индекса как комплекса условностей или условий.

Фактор условностей или условий – второй важный фактор коннотации. Для исторического познания характерным является использование в качестве аргументов экземпляров-образцов, представляющих собой знаки-иконы. Как фактор фактичности в коннотациях они выражают физическое отношение к прототипу. Весомость указанных аргументов детерминирована их индексной сущностью, т.е. структура фактичности является индексной. Логика экзemplификации как разновидность нечеткой логики строится на аналитическом абстрагировании, в ходе которого исключаются индивидуальные несущественные обстоятельственные признаки, и на идеализации обобщения некоторой совокупности существенных обстоятельственных признаков, выделенных в неопределенном (нечетком) множестве. Например, ответы на вопросы *Что представляло собой первобытнообщинное поселение или средневековый город?* предполагают реконструкцию физического отношения к прототипу. Оно не является теоретико-множественным отношением между означаемым и означающим знака, так как обусловлено системой взаимосвязей, т. е. отношением части и целого. Холизм способствует реализации пророческой («дивинаторной», согласно Ф. Шлейермахеру) функции исторической памяти по восстановлению целого по немногим признакам и фрагментам.

Символы не имеют никакой связи с обозначаемыми объектами. В них означающее и означаемое не связаны фактическим или условным образом, т. е. означающая сторона не является копией (иконой) означаемой стороны и не находится в физической смежности или в причинной связи с ней. Поэтому означающее символа не содержит информации об обозначаемом объекте. Знак-символ связан с объектом отношением обозначения. Отсутствие референции затрудняет или исключает понимание.

Использование символов явно или латентно регулируются социальными конвенциями или привычками. Установление связи между символом и неопределенным множеством его возможных объектов следует рассматривать как результат применения правил или иных регуляторов по отношению не к внеязыковой реальности, а к реальности языка. Для когнитивной герменевтики это означает необходимость различения символической и несимволической реальности. Символическая реальность предполагает установление способов обозначения, принятых в языке, после чего становится возможным выход в несимволическую реальность посредством интерпретации. Предметом интерпретации, согласно П. Рикёру, выступает «расшифровка смысла, стоящего за очевидным смыслом» [13, с. 18]. Форма интерпретации соотносится с герменевтической системой, или способом понимания. В частности, он подчеркнул, что психоанализ, признавая только символическое измерение, принимает во внимание лишь сетку значений, обусловленную следами вытесненных желаний [13, с. 47]. Прояснение их референции позволяет расширить интерпретацию посредством выяснения их фактичности и условности, так как совершенный знак в равной мере содержит иконы, индексы и символы.

Семиотические свойства коннотации – фактичность, условность и символизм – обуславливают интерпретационные значения, придаваемые знаку как «иконе умопостигаемых отношений» [11, с. 224]. Данные значения не доступны непосредственному наблюдению, но выводимы логическим путем на основе воспринимаемых признаков и обусловлены способами употребления языка, которые следуют из дискурсивных правил (Л. Витгенштейна) или из контекста и ситуации (С. Крипке). Л. Витгенштейн противопоставил деятельный и жизненный контекст употребления языка его непространственной и вневременной концепции. Из игровых переплетений языка с деятельностью и образом жизни он вывел два нетривиальных для герменевтики следствия: язык воспроизводит деятельность и форму жизни [1, с. 95–101]. Интерпретируя язык как игру, он ввел концепт «следование правилу», включив принципы логической референции в герменевтические структуры языка. С. Крипке дополнил референцию и символизм коннотациями, обусловленными связью языка и реальности [6].

Таким образом, сущность когнитивной герменевтики заключается в ее семиотических основаниях – символических отношениях между денотатом знака и его концептом в референции и фактической и условной связью означаемого и означающего в коннотации. Референция и коннотация являются, соответственно, логическими и герменевтическими структурами понимания.

Логические структуры референции и герменевтические структуры коннотации взаимосвязаны. Формами выражения их взаимосвязи являются когнитивные схемы. Специфика когнитивных схем референции детерминирована ее герменевтическими особенностями, заключающимися в языковых способах именования.

Фундаментальными отношениями между означающим знака и его означаемым являются отношение подобия, индексные отношения смежности и связности и символическое отношение. Данные отношения составляют сущность свойства референции – символичности, и коннотации – фактичности и условности. Равномерным распределением данных свойство определяется нормальность знака в когнитивной герменевтике.

Литература

1. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994. С. 75–319.
2. Воробьева С. В. Когнитивный анализ языка в контексте конструктивистской методологии // Национальная философия в глобальном мире: материалы Первого белорусского философского конгресса (Республика Беларусь, г. Минск, 18–20 октября 2017 г.). Доклады / НАН Беларуси, Ин-т философии НАН Беларуси. Минск: Право и экономика, 2018. С. 253–258.
3. Воробьева С. В. Критическое мышление: взаимодействие логических, эпистемологических и когнитивных факторов // Философия и социальные науки. 2015. № 1. С. 67–71.
4. Воробьева С. В. Логика и коммуникация: пособие. Минск: БГУ, 2010. 327 с.
5. Кирющенко В. В. Язык и знак в прагматизме. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. 199 с.
6. Крипке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. М.: Канон+, 2010. 256 с.
7. Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика. Антология. Сост. Ю. С. Степанов. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 45–97.
8. Панков В. Д. Пространственные метафоры как механизм исследования и преобразования социального бытия // Культура и глобализация: Традиция, память, идентичность: материалы Международной научной конференции 20–21 ноября 2014 г. Тамбов: издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2015. С. 141–145.
9. Пирс Ч. Икона, индекс, символ // Пирс Ч. Начала прагматизма. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. С. 76–97.
10. Пирс Ч. Начала прагматизма. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. 318 с.

11. Пирс Ч. Прологомены к апологии прагматизма // Пирс Ч. Начала прагматизма. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. С. 219–287.
12. Пирс Ч. С. Рассуждение и логика. М.: РГГУ, 2005. 371 с.
13. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки по герменевтике. М.: Академический Проект, 2008. 695 с.
14. Фреге Г. Логические исследования // Фреге Г. Логика и логическая семантика: сборник трудов М.: Аспект ПРЕСС, 2000. С. 286–374.
15. Фреге Г. Размышления о смысле и значении // Фреге Г. Логика и логическая семантика: сборник трудов М.: Аспект ПРЕСС, 2000. С. 286–374.
16. Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб.: Европейский Дом, 2004. 241 с.
17. Шульга Е. Н. Когнитивная герменевтика. М.: ИФРАН, 2002. 235 с.
18. Lévinas E. Humanisme de l'Autre homme. Montpellier, Fata Morgana, 1987. 122 p.

**Детские дневниковые записи как объект
культурологического исследования в фокусе
универсальной герменевтики Фридриха Шлейермахера**

Суворкина Е.Н., Рязань

канд. культурологии, зав. сектором систематизации,
Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

В статье рассматривается детская дневниковая запись как феномен культуры, качество анализа и интерпретации которого определяет уровень понимания и эмпатии современного читателя. Методологической основой является герменевтический подход, базирующийся, в частности, на концепции универсальной герменевтики Ф. Шлейермахера. Ее языковая, текстовая и переводческая проблематика в контексте искусства понимания находит отражение в коммуникативных плоскостях «ребенок – ребенок», «ребенок – взрослый» культуры детства через потребность преодоления непонимания в процессе перевода с детского языка («детского арго») на взрослый или детский современный.

Ключевые слова: Шлейермахер, герменевтика, понимание, дневники, детские дневники, непонимание.

E.N. Suvorkina, Ryazan

**Children's diary records as an object of cultural research
in the focus of F. Schleiermacher's universal hermeneutics**

The article examines the children's diary record as a cultural phenomenon, the quality of analysis and interpretation of which determines the level of understanding